

П.А. СЛОВЦОВ

Историческое обозрение Сибири

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.А. Словцов**
Историческое обозрение Сибири / П.А. Словцов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 376 с.

ISBN 978-5-518-07040-0

ISBN 978-5-518-07040-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ СЛОВЦОВЪ.

1767—1843 г.

Потребность въ разработкѣ историческихъ матеріаловъ, въ выясненіи историческихъ данныхъ и, наконецъ, въ составленіи полнаго, систематическаго обзора прошлаго, безъ сомнѣнія, въ высокой степени ощущается мыслящею Сибирью. Потребность эта тѣмъ болѣе неотложна, что наше юношество, готовящееся къ будущей дѣятельности, принуждено бываетъ черпать скудныя свѣдѣнія о своей родной странѣ изъ общихъ учебниковъ, гдѣ этому обширному краю и его 300-лѣтней жизни подъ владычествомъ Россіи, удѣляется нѣсколько страничекъ, составленныхъ нерѣдко по сомнительнымъ матеріаламъ и безъ всякаго критическаго отношенія къ нимъ.

Если за послѣднее время и появлялись печатные труды по исторіи Сибири, то они захватывали или какія либо частности, или отдѣльные историческіе періоды, или небольшіе раіоны; общей же исторіи всего «Закаменья», какъ простой народъ именуесть Сибирскій край, до сихъ поръ никто не далъ, не смотря даже на то, что въ январѣ настоящаго года истекъ срокъ конкурса на соисканіе довольно приличной преміи А. М. Сибирякова за подобнаго рода труды.

До настоящаго времени, мы имѣемъ такой трудъ только въ «Историческомъ обзорѣ Сибири» Петра Андреевича Словцова, изданномъ въ 1838 и 1844 годахъ и ставшемъ въ послѣднее время библиографической рѣдкостью.

При изданіи вновь этого единственно систематическаго и вполне добросовѣстнаго обзора сибирской исторіи, безъ со-

мнѣнія, будетъ уместно вспомнить его незабвеннаго автора, посвятивъ памяти его нѣсколько словъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя сдѣлались достояніемъ печати *).

П. А. Словцовъ или Слопцовъ, какъ думаетъ одинъ изъ его біографовъ, протоіерей Сулоцкій **), по происхожденію священнической сынъ, родился въ 1767 году въ Нижнеусеянскомъ заводѣ Пермской губерніи. О дѣтствѣ Петра Андреевича не имѣется никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ одного свидѣтельства о томъ, что первоначальное образованіе Словцовъ получилъ подъ руководствомъ своего отца, человека не особенно далекаго, а 12-лѣтнимъ мальчикомъ былъ привезенъ въ Тобольскъ въ тамошнюю духовную семинарію и помѣщенъ въ нее, на казенное содержаніе. Здѣсь онъ скоро выказалъ свои недюжинныя способности, обративъ на себя вниманіе семинарскаго начальства, и въ 1788 г., по окончаніи курса, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ отправленъ въ С.-Петербургскую высшую Александро-Невскую семинарію, впоследствии обращенную въ Духовную Академію.

Въ этомъ лучшемъ, по тогдашнему времени, духовномъ

*) При составленіи нашего очерка мы пользовались слѣдующими матеріалами: *Тоб. Губ. Вѣд.*, 1858 г., № 34: «П. А. Словцовъ», Н. Абрамова. *Чтен. въ Императ. Общ. исторіи и древностей російскихъ*, 1871 г., 4-я кн., ст. Н. Абрамова. *Ibidem*—1873 г., 3-я кн., прот. Сулоцкаго и О. М. Бодянскаго.

«Жизнеописаніе графа Сперанскаго», барона М. А. Корфа.

«Въ память графа Сперанскаго», изд. Имп. Публичн. Библ.

«О дѣятельности Сперанскаго въ Сибири», В. И. Вагина.

«Памятники новой русской исторіи 1872 г.», изд. Базунова, т. III: «Проповѣдникъ Тобольской Семинаріи въ 1793—1794 г.».

Ibidem, т. I, изд. Кашпирева, «Записки И. П. Мартынова».

Сборникъ газеты «Сибирь»: «Къ біографіи П. А. Словцова», Голодникова.

Ibidem, «Два письма къ протоіерею Громову».

**) «Есть слухъ, говоритъ протоіерей Сулоцкій, что настоящая фамилія Петра Андреевича была не Словцовъ, отъ слова словцо, а Слопцовъ, отъ слопецъ, ловушка, какую сибирскіе охотники простолюдины ставятъ съ притравой на мелкихъ звѣрковъ. Перемѣну въ фамиліи, вѣроятно, сдѣлалъ какой нибудь малороссъ или великороссъ, ректоръ или префектъ тобольской семинаріи, для благозвучія, что они въ старые годы съ сибирскими семинаристами и другими дѣлали довольно часто, переименовывая изъ Дергачевыхъ въ Армильскихъ, изъ Мисюревыхъ въ Мансѣтовыхъ, изъ Тыжновыхъ въ Милославскихъ, изъ Поповыхъ въ Веніаминѣвыхъ, и т. д.»

(Чт. въ Имп. Общ. истор. и древн., 1873 г., 3-я кн., 132 стр.).

учебномъ заведеніи онъ закончилъ свое образованіе и былъ тотчасъ, по окончаніи курса, назначенъ въ тобольскую семинарію учителемъ философіи и краснорѣчія.

Высшая семинарія, безъ сомнѣнія, дала весьма солидныя знанія молодому ученому и притомъ, хотя она, какъ и всѣ духовноучебныя заведенія того времени, придерживалась царящей рутины, но учащаяся въ ней молодежь не была чужда и новыхъ вѣяній, съ жадностью при случаѣ знакомясь съ запретными книгами и новыми выводами науки. «А вѣдь этимъ душкомъ (раціонализмомъ, вольномысліемъ) прежде пахло и отъ меня», — говаривалъ Словцовъ въ послѣдніе свои годы, вспоминая одинъ изъ самыхъ важныхъ инцидентовъ въ его жизни.

Этимъ инцидентомъ было его проповѣдничество, или, вѣрнѣе, одна изъ его проповѣдей, сказанныхъ имъ въ соборѣ на молебствіи по случаю бракосочетанія Цесаревича Александра Павловича. Проповѣди Петра Андреевича, по словамъ старожилловъ, производили сильное впечатлѣніе, и потому всегда было много желающихъ слушать своего любимаго проповѣдника; между тѣмъ, духовныя лица, какъ оказывается, не раздѣляли мнѣнія паствы и впоследствии даже выказали явное порицаніе этихъ поученій. До насъ дошли списки съ трехъ проповѣдей, вмѣстѣ съ помѣтками духовной цензуры. Крайне оригинальны эти помѣтки. Такъ на проповѣди, сказанной въ день рожденія Императрицы Екатерины II, написано: «Христіанинъ! Не теряй на чтеніе поученій сихъ ни времени, ни труда! Кромѣ пустаго мудрованія, кромѣ двусмыслія и явнаго противленія ученію вѣры, не найдешь здѣсь ничего». Сбоку помѣтка: «Первое слово и первая ересь!», а въ концѣ: «Богато одними пустословіями и глупостями».

На самомъ дѣлѣ проповѣди не представляли изъ себя ничего особеннаго: по формѣ онѣ блещутъ риторикой, а по содержанию чужды шаблонныхъ образцовъ церковныхъ проповѣдей.

Чтобы дать понятіе о нихъ, я считаю умѣстнымъ привести дословно ту изъ нихъ, которая послужила къ прискорбнымъ для Словцова послѣдствіямъ.

«Паки стекаемся во храмъ соединить желаніе. Паки прие-

лемъ отъ престола новый даръ и новое утѣшеніе. Россы, благословляйте свою монархиню, благословляйте высокую чету!

«Государя чувствительнаго, подъ рукою коего не считалъ народъ своихъ вздоховъ, можно почтить именемъ премудраго, но еще не именемъ благополучнаго. Рѣдкій пользуется послѣднимъ наименованіемъ. Не взирая на его услуги, на его планы, оставленные въ наслѣдіе, надобно, чтобы онъ умѣлъ переносить свою кончину, чтобы онъ умѣлъ царствовать изъ гроба надъ потомками, я хочу сказать, чтобы изъ рукъ преемника не палъ скипетръ. Какія удобонаходимъ обязательства благодарить монархиню, соотвѣтственно ея достоянію! Какія радостныя представляются прозрѣнія въ очахъ Россіи? Все предзнаменуетъ наше блаженство.

«Но, забывая сіи надежды и какъ бы самихъ себя, разсудимъ вообще о признакахъ народнаго счастья.

«Тишина народная есть молчаніе принужденное, продолжающееся до толѣ, пока неудовольствіе, постепенно раздражая общественное терпѣніе, наконецъ, не прерветъ снаго. Если не всѣ граждане поставлены не въ однихъ и тѣхъ же законахъ, если въ рукахъ одной части захвачены имущества, отличія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ, или одни несчастія, то тамъ спокойствіе, которое считаютъ залогомъ общаго счастья, есть глубокій вздохъ, данный народу тяжкимъ ударомъ; то спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія, но отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина. Еще прибавимъ, что дѣльный народъ не былъ искони ни въ чемъ единокрушенъ, развѣ въ суевѣрїи и заблужденїяхъ политическихъ. Итакъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значатъ таковыя монархіи? Это великія гробницы, замыкающія въ себѣ несчастныя стеляющіе трупы; и троны ихъ—это пышныя надгробія, тяжело гнетущія оныя гробницы. Народы злополучныя!

«Но почто бы, собравшись къ подножію престола, не молить имъ почивающаго тамъ божества? Почто бы, повергнувшись тамъ, не лежать, доколѣ ихъ оракулъ не дастъ просямаго отвѣта? И почто бы съ ихъ жалобами не смѣшать го-

рестныхъ слезъ? Но монархи ихъ не слышатъ... Блаженъ убо, кто живетъ подъ скипетрами отеческими.

«Гремѣть побѣдами въ чужихъ странахъ или стѣснять власть народовъ далѣе славы ихъ и расширять славу свою далѣе власти своей—всегда почитается путемъ къ счастью народному. Но всуе. Хотя сія измѣна усладительна честолюбію народа торжествующаго, но она сколь же далека, чтобы предзнаменовать возвышеніе сему, столь близко сопряжена съ паденіемъ другаго. Могущество монархіи есть коварное оружіе, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нея эпоха всегда бываетъ роковою годиною. Римъ гордый, Римъ, воспитанный кровью цѣлыхъ народовъ, готовился уже раздавить почти всю вселенную, но чтожъ?.. Оплачемъ надменную его политику. Онъ низпалъ подъ собственною тяжестью въ то время, какъ наиболее дышалъ силою и страхомъ. Есть мѣры, далѣе коихъ не дерзаетъ преступить счастье народовъ. И къ чему толикая слава, когда съ умноженіемъ оныя возрастали на него злоба и мщеніе. Къ чему трофеи, когда омочены они слезами народовъ? Къ чему короны, сорванныя съ неприкосновенныхъ главъ? Къ чему они? Но что вопрошаемъ причины, гдѣ честолюбіе коварствуетъ? Здѣсь долженствовала бы излиться вся желчь противъ ненавистнаго оружія, но подвиги почтенныхъ героевъ ожидаютъ благороднаго голоса.

«Не заключайте, чтобы церковь роптала противу сихъ покровителей отечества! Нѣтъ, она окровавленнымъ ихъ тѣнямъ приноситъ жертвы куренія и чтитъ воинскій мечъ, какъ спасенія орудіе. Зная, что воинъ есть вкупѣ гражданинъ, она заповѣдуетъ токмо сіе, чтобъ герой, усыпленный подъ гордыми лаврами, не презрѣлъ должности великой, чтобы при его величій и украшеніяхъ не вмѣнилъ въ обиду прославить вѣру христіанскую. Обыкновенное у насъ противорѣчіе, чтобъ, возвысаясь по одной линіи къ славѣ, по другой — обратно упасть.

«Коль кратно твердили, что вѣра рѣшитъ судьбу цѣлыхъ государствъ! Коль кратно обѣщали свыше благословеніе на тѣхъ, коихъ бы душа была душа евангельская! Но, Господи,

кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня тому открыся. (Исаія, гл. 49, ст. 2). Можетъ быть, это одна несчастная истина, которой важность наиболѣе проповѣдана, и которой слухомъ наиболѣе тронуты. Такъ и быть, видно, бѣдному созданію опредѣлено скитаться въ мракахъ. Да, вольнодумецъ хвалится быть наилучшимъ подданнымъ, выставляетъ свою любовь къ отечеству и вѣрность къ государю! Но вольнодумецъ—человѣкъ, такъ чѣмъ запечатлѣтъ оныя чувствованія, часто сомнительныя? Носитъ ли онъ въ сердцѣ своемъ залого христіанства? Блюдетъ ли клятву, сіе свидѣтельство отъ вѣры? Простимъ ему поддѣлывающемуся патріоту и поставимъ на мѣсто его христіанина. Сей наученъ высокими и благоговѣнными мыслями о властяхъ, лучше всѣхъ знаетъ счастливую науку повиноваться. Вмѣсто того, чтобы назначать себя между народомъ и государемъ, онъ назначаетъ государя между народомъ и Божествомъ; законъ верховный для него есть слово Вышняго, издревле вѣщающаго при алтаряхъ монаршихъ. Его собственность есть собственность отечества, и жизнь его есть дань престолу. Монархи, познайте подданнаго вашего въ христіанинѣ!

«Но не утаимъ здѣсь, какъ безъ примѣчанія его обходятъ при обстоятельствахъ предпочтенія, какъ оставляютъ его, когда должно призывать на степени и достоинства! Таковыя противорѣчія, конечно, жестоки. Пускай, между тѣмъ, увѣряютъ, что добродѣтель не останется безъ награжденія; пускай ласкаютъ добродѣтели, но что въ томъ пользы, когда добродѣтельному осталось вздохнуть?»

Проповѣдь эта произвела переполохъ. Бывшій въ то время губернаторомъ Алябевъ *), заподозрѣвъ въ лицѣ Словцова врага престола, немедленно досталъ списокъ съ говоренной проповѣди и, представляя его при особомъ письмѣ генераль-прокурору Самойлову, писалъ ему слѣдующее:

«10-го числа ноября, по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, я, бывъ

*) Голодниковъ (Сборн. «Сибири») полагаетъ, что въ то время былъ губернаторомъ Фонъ-Бринъ, но это невѣрно; впрочемъ, біографическія свѣдѣнія Голодникова страдаютъ многими неточностями.

въ соборѣ здѣшняго города, слышалъ проповѣдь, сказываемую тобольской семинаріи учителемъ Словцовымъ, который года два тому назадъ присланъ по окончаніи наукъ изъ Петербурга въ сію семинарію. Въ оной проповѣди, не взирая, что не всѣ слова по положенію мѣста были мнѣ внятно слышны, а равно и по крѣпости моего слуха, не смотря и на то, что слогъ проповѣди былъ довольно запутанъ, я чаялъ замѣтить нѣчто непозволительное, но, зная, что одно слово недослышанное или пропущенное можетъ иногда перемѣнить совершенно смыслъ всей рѣчи, я почелъ за неминуемость видѣть ту проповѣдь письменную, дабы судить объ ней безошибочно. Но чтобы, стремительно поступя въ такомъ нѣжномъ дѣлѣ и потребовавъ копию проповѣди прямо отъ себя, не подать какого сомнѣнія, а тѣмъ самымъ и не дать бы способа къ закрытію истины, я принужденнымъ нашелся препоручить тайно достать себѣ ту копию. Получа, наконецъ, оную, я усмотрѣлъ въ ней многое, по понятію моему, противное высшей власти и непозволительное говорить вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества, а потому и счелъ долгомъ донести о семъ вашему высокопревосходительству и господину правящему должность генералъ-губернатора, который съ 29 ноября изволилъ отправиться въ Петербургъ, а притомъ счелъ за нужное на пронипательное благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства препроводить списокъ съ самой проповѣди и ожидать повелѣнія, какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить приказано будетъ. Хотя же, кромѣ сей непозволительной, по мнѣнію моему, проповѣди, я до сего времени ничего противнаго спокойствію объ немъ, Словцовѣ, не провѣдалъ; однако же, усугублю мои на то старанія и приложу всевозможное попеченіе развѣдать тайно, не имѣлъ ли онъ какого скрытаго и непозволительнаго съ кѣмъ либо сообщества и не ведетъ ли таковой же переписки, и ежели узнаю что подобное, то не премину донести. Въ ожиданіи же на теперешнее мое донесеніе разрѣшенія, я воздержусь отъ всякаго рода открытаго дѣйствія, развѣ по необходимости буду вынужденъ къ тому какимъ либо дерзновеннѣйшимъ или явнѣйшимъ его, Словцова, поступкомъ, или узнаю

достоверно что либо, требующее употребленія власти къ прекращенію».

Изъ памятной записки, находящейся въ дѣлѣ, видно, что генераль-прокуроръ, прочтя проповѣдь, передалъ ее тайному совѣтнику Шешковскому, завѣдовавшему тайною канцелярією, съ тѣмъ, чтобы онъ переговорилъ объ ней съ митрополитомъ. «Г. Шешковскій, увидѣвшись съ его преосвященствомъ 12 числа сего мѣсяца, сдѣлалъ заключеніе, что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, т. е. ни правиль, ни связи той нѣтъ, впрочемъ, она дерзкая и развратительная.» На другой же день митрополитъ прислалъ къ г. Шешковскому письмо, полученное имъ отъ тобольскаго архіепископа, роднаго своего брата, при которомъ тобольскій пастырь, прилагая копію съ проповѣди, пишетъ, что «Словцовъ ту проповѣдь говорилъ, но самъ ли онъ по своей глупости или съ умыслу и по согласію съ другими сочинилъ оную, онъ знать не можетъ и его не спрашивалъ, потому что идетъ еще тайное о семъ отъ г. губернатора развѣданіе, но почитаетъ за долгъ увѣдомить только для того, что г. губернаторъ отнесся объ ономъ правящему должностъ генераль-губернатора, генераль-поручику Волкову, и къ генераль-прокурору, донося при томъ, что сочинитель проповѣди на тотъ день писалъ скороспѣшно, а потому ни ему, ни ректору не казалъ оныя, да и не можно было подозрѣвать его въ таковыхъ сочиненіяхъ даже до сего времени, ибо онъ говорилъ раньше проповѣди безъ всякихъ вредныхъ и соблазнительныхъ мыслей; при ономъ своемъ письмѣ приложилъ цидулку, въ коей пишетъ, что поелику обѣдня въ оный день отправлялась поздно, то оный учитель говорилъ рѣчь въ причастенъ, а потому онъ не слышалъ, да и тихо сказывалъ, а нынѣ онъ боленъ и какъ думаетъ его преосвященство, что онъ опасается какого ни есть истязанія.»

Изъ списка съ проповѣди, доставленной въ Императорское Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, состоящее при Московскомъ университетѣ, можно сдѣлать заключеніе, что духовная власть отнеслась весьма строго, хотя изъ помѣтки, сдѣланной на этомъ спискѣ можно вывести заключеніе, что она не раз-

дѣляла мнѣнія увлекшейся администраціи въ признаніи политической преступности Словцова.

Въ концѣ этой проповѣди написанъ такой отзывъ о ней: «Поученіе это недостойно церковной кафедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидющагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его».

Не смотря, однако, на подобный отзывъ, высшая администрація того времени видѣла враговъ престола въ каждомъ проявленіи свободомыслія, а потому прошло немного болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ Словцовъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ, въ тайную канцелярію. О фактѣ ареста его мы находимъ только одно свидѣтельство, принадлежащее г. Голодникову и рассказанное имъ, по его увѣренію, со словъ самого Словцова и протоіерея Фелицына, но на сколько вѣрны эти свѣдѣнія, судить не имѣемъ возможности. Этотъ авторъ говоритъ, что однажды П. А., находясь вечеромъ у преосвященнаго архіепископа Варлаама, вмѣстѣ съ почетнымъ тобольскимъ 1-й гильдіи купцомъ М. А. Селивановымъ и временно проживающимъ въ Тобольскѣ директоромъ кяхтинской таможи Голяховскимъ (?), неожиданно и секретно былъ вызванъ изъ гостиной въ переднюю. Здѣсь ожидалъ его фельдъегерь, присланный изъ Петербурга, и Словцову дано было только нѣсколько минутъ для полученія отъ преосвященнаго благословенія. Голяховскому не было даже дозволено снабдить несчастнаго своею дорожною шубою; возокъ съ теплой зимней одеждой ожидалъ уже своего путника у параднаго подъѣзда архіерейскаго дома.

Втеченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга П. А. не было дозволено ни въ одномъ изъ городовъ выйти изъ экипажа, даже пищу въ такихъ случаяхъ давали ему чрезъ опущенное окно экипажа. Наконецъ, больной физически и нравственно, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь сначала преосвященнымъ Гавріиломъ, потомъ генераль-прокуроромъ и, наконецъ, тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ Словцовъ былъ подвергнутъ допросу: «для чего онъ извѣстную проповѣдь, которая правиламъ не только богословія, но и философіи, противна, говоритъ въ церкви осмѣлился, ибо

она наполнена совершенно возмущеніемъ народа противъ правительства.»

Словцовъ на предложенные вопросы отвѣчалъ, что проповѣдь говорилъ безъ всякаго злаго намѣренія. И хотя его убѣждали, чтобы признался и открылъ свое сердце, но онъ далъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ чего ему было передано: «Ну, если бы кто тебѣ всѣ въ сей проповѣди возмутительныя выраженія показалъ, то какъ бы ты ихъ почелъ—отъ добраго намѣренія говоренными или отъ дурнаго?» Словцовъ отвѣтилъ, что «теперь я понимаю, что описанныя въ проповѣди слова достойны осужденія». Послѣ этихъ отвѣтовъ лица, дѣлавшія допросъ, рѣшили, что «сіе произошло отъ слабости его смысла, однако жъ не изъ злаго намѣренія».

Словцову въ обвиненіе поставлена не только одна эта проповѣдь, но рѣзкія слова даже по отношенію къ Александру Македонскому. Въ числѣ арестованныхъ у него бумагъ найденъ листъ, сложенный на подобіе письма, гдѣ слѣдователи усмотрѣли «смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый Великій Александръ»... Хотя Словцовъ и объяснилъ, что это имъ выписано изъ Квинта Курція и приготовлялось для класснаго сочиненія, однако, не смотря на такое объясненіе, слѣдователи увидѣли и здѣсь частицу вреднаго направленія и тутъ же на слѣдствіи сдѣлали ему внушеніе, что «напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху поношеніе, учениковъ своихъ отягощаль»... Послѣ всѣхъ этихъ объясненій, не давшихъ для тайной канцеляріи, однако, достаточно данныхъ считать тобольскаго проповѣдника преступникомъ противъ престола, онъ былъ оставленъ подъ надзоромъ духовной власти и отправленъ на смиреніе въ Валаамовъ монастырь, на Ладожское озеро.

Пока Петръ Андреевичъ томился въ Валаамовомъ монастырѣ и занимался переводомъ съ латинскаго одной душе-спасительной книги, тобольскій епископъ Варлаамъ велъ переписку съ своимъ братомъ, тогдашнимъ митрополитомъ Гавріиломъ, и ходатайствовалъ о помилованіи Словцова. Какіе мотивы руководили преосвященнымъ: было ли то сознаніе неви-